

Викентий Викентьевич Вересаев

Лизар

**Викентий Викентьевич
Вересаев**

Лизар

Солнце садилось за бор. Тележка, звякая бубенчиками, медленно двигалась по глинистому гребню. Я сидел и сомнительно поглядывал на моего возницу. Направо, прямо из-под колес тележки, бежал вниз обрыв, а под ним весело струилась темноводая Шелонь; налево, также от самых колес, шел овраг, на дне его тянулась размытая весенними дождями глинистая дорога. Тележка переваливалась с боку на бок, наклонялась то над рекою, то над оврагом. В какую сторону предстояло нам свалиться?..

Мой возница Лизар – молчаливый, низенький старик – втягивал голову в плечи, дергал локтями и осторожно повторял: "Тпру!.. тпру!.."

– Как ты, дедка, не боишься? Ведь мы свалимся! – не выдержал я.

Я готовился услышать в ответ классическое: "Небось!" Но Лизар неожиданно ответил:

– Свалимся, барин, – Христос-правда, свалимся!.. Как же не бояться? Уж то-то боюсь!

– Так ты бы на дорогу съехал.

– На дорогу! Увязнешь на дороге, гораздо

топко. Дожди-то какие лили! Погляди на Шелонь, – видишь, вздулась. Вода в ней свежая, чистая, что серебрина, а нынче вон как потемнела, – всю воду с болот взяла... "Не боюсь!" – повторил он, помолчав. – Уж так-то боюсь, ажно вспотел!

Он снял облезлую шапку и утер рукою лоб.
– А ты вот что, барин любимый! Слезай с тележки да вон до того яру через кустики и дойди. А я на дорогу спущусь, кругом объеду.

Я сошел с тележки. Лизар оживился, задержал вожжами и покатил по откосу в овраг. Бубенчики закатились испуганным, прерывистым звоном; тележка прыгала по промоинам, Лизар прыгал на облучке и натягивал вожжи.

– Н-но, гамыры! [Гамыры – вялые, неповоротливые] – донеслось со дна оврага, словно из преисподней. Тележка, увязая в глине, потащилась в гору.

Я перебрался через овраг и пошел перелеском. По ту сторону Шелони, над бортом, тянулись ярко-золотые тучки, и сам бор под ними казался мрачным и молчаливым. А кругом стоял тот смутный, непрерывный и весе-

лый шум, которым днем и ночью полон воздух в начале лета.

Среди ореховых и ольховых кустов все пело, стрекотало, жужжало. В теплом воздухе стояли веселые рои комаров-толкачиков, майские жуки с серьезным видом кружились вокруг берез, птички проносились через поляны волнистым, порывистым лѐтом. Вдали повсюду звучали девические песни, – была триоца, по деревням водили хороводы.

Я остановился на опушке, около межи. Когда стоишь так один, не шевелясь, лицом к лицу с природой, то овладевает странное чувство: кажется, что она не замечает тебя, и ты, пользуясь этим, вот-вот сейчас увидишь и узнаешь какую-то самую ее сокровенную тайну. И тогда все окружающее кажется необычным и полным этой тайны. Под зеленевшими дубами земля была усыпана темно-бурыми прошлогодними листьями; каждый лист шуршал и шевелился, какая-то скрытая жизнь таилась под ними; что это там – лесные муравьи, прорастающая трава?.. И все кругом слабо шумело и шуршало, словно живое, – трава, цветы, кусты. Не замечая человека, все

как будто ожило и зажило свободно, не скрываясь... Ветер мягко пронесся по матово-зеленой ржи и перебежал в осины. Осины зашептались, заволновались, с коротким шумом вздрагивая листьями; облако белых пушинок сорвалось с их сережек и, словно сговорившись с ветром, весело понеслось в темнеющую чащу.

Мне показалось, что справа кто-то смотрит. Я оглянулся. В десяти шагах сидели в траве два выскочившие из ржи зайца. Они сидели спокойно и с юмористическим любопытством глядели на меня. Как будто им было смешно, что и я надеюсь проникнуть в ту тайну, которую сами они и все кругом прекрасно знают. При моем движении зайцы переглянулись и, не спеша, несколькими большими, мягкими прыжками, бесшумно отбежали к кустам ракитника; там они снова сели и, шевеля ушами, продолжали поглядывать на меня.

– О-го-го-го-го-ооо! – глухо донесся из-за ржи крик Лизара.

Я откликнулся. Зайцы снялись и стали удаляться неуклюже-легкими прыжками. Меж

кустов долго еще мелькали их рыжие горбатые спины и длинные уши. Я вышел на дорогу.

Мы поехали дальше. Солнце село, из лощин потянуло влажным холодком.

– Хорошо бы теперь чайку попить, – сказал я.

– Ну что ж! Вот приедем в Якоревку, и попьешь чайку, – ответил Лизар. – Ты, значит, чайку попьешь, отдохнешь, я походом коней покормлю, а там с холодочком и поедем дальше.

– А далеко до Якоревки?

Лизар удивился.

– До Якоревки-то? Да вон она!

Над рожью серели соломенные крыши деревни. Лизар встрепенулся и сильнее задергал вожжами. Мы въехали в узкую, уже потемневшую улицу, заросшую ветлами. Избы, как вообще в этих краях, были очень высокие, с окнами венцов на пятнадцать – двадцать от земли.

Лизар подъехал к избе. Около нее на суке ивы висели веревочные качели. На высоком крылечке никого не было, в окнах было тем-

но. Лизар остановил лошадей, задумчиво поглядел на качели и крикнул:

– Эй, кума Агафья! Нельзя ли на качелях позыбаться у тебя? Горазд качели хороши!

На крыльцо вышла баба, прямая и худая, с сухим, строгим лицом.

– Кого говоришь? – спросила она.

– Самоварчик барину надобен, проезжающему... Будь здорова!

Баба внимательно оглядела меня с ног до головы.

– Здравствуйте... Сейчас сами отпили, можно наставить, – медленно ответила она. – Дунька! – позвала она так, как будто Дунька стояла рядом с нею. – Подложи шишек в самовар!.. Сейчас готов будет тебе.

Из сеней выглянула девушка с широким лицом и бойкими глазами под черными бровями. Она с любопытством оглядела меня и исчезла.

Через десять минут на высоком крыльчке кипел самовар. Я заварил чай.

Заря догорала. Легкие тучки освещались сверху странным полусветом надвигающейся белой ночи. На улице, окутанной бледным су-

мраком, были жизнь и движение, с конца ее лилась хороводная песня. Громкие голоса, скрашенные расстоянием, звучали задумчиво и нежно:

Не на много времени жизнь давалась,
За единый час миновалась...

В барском саду заливался соловей, оттуда тянуло запахом сирени и росистой свежестью сада. Ночь томила, в душе поднимались смутные желания. Становилось хорошо и грустно.

Под крыльцом слышался шепот. Мужской голос спрашивал:

– Ты что ж гулять не приходишь?

– А тебе что? – лукаво ответил голос Дуньки, тоже вполголоса.

– Что, что! Все девки в хороводе, а тебя нету. На кой они мне?.. Кто это у вас?

– Барин проезжающий чай пьет. Самовар ему наставляла я.

– Самовар? – Мужской голос вдруг прервался. – Само... вар?

– Пошел ты, дьявол!

– Нишкни! Идут!

Голоса смолкли. Лизар, засыпавший лошадям овес, поднялся на крылечко. Я достал бутылку, налил водкою рюмку и чашку. Предложил чашку Лизару. Лизар задвигал плечами, маленькие глаза под нависшими бровями блеснули.

– Ну, почеремонимся! – стыдливо усмехнулся он, быстро стащил с головы шапку и принял чашку. – Здравствуй!

Мы выпили, закусили. Стали пить чай. Лизар держал в корявых руках блюдечко и, жмурясь, дул в него. Хозяйка снова появилась на пороге, прямая и неподвижная. За ее юбку держались два мальчугана. Засунув пальцы в рот, они исподлобья внимательно смотрели на нас. Из оконца подызбицы тянуло запахом прелого картофеля.

Хозяйка тихо спросила:

– Разродилась сноха твоя?

– Разродилась, матушка, разродилась, – поспешно ответил Лизар.

– Мертвого выкинула?

– Зачем мертвого? Живого.

– Живого?.. А у нас тут баяли, мертвого выбросит. Старуха Пафнутова гомонила, – горазд

тяжко рождает, не разродится.

– С чего не разродиться? За дохтуром спосылали! – Лизар улыбнулся длинной, насмешливой улыбкой. – Приехал, клещами ребеночка вытащил – живого, вот и гляди.

Хозяйка покачала головой.

– Клещами!

– Делают не знамо что! – вздохнул Лизар.

– Как не знамо что? – возразил я. – Живого ведь вытащили, чего ж тебе? А не помог бы доктор, ребенок бы умер.

– "Живого", "живого", – повторил Лизар и замолчал. – Так они нам ни к чему!.. Довольно, значит! Будет! И так полна изба. Чего ж балуются, дохтура беспокоят? Сами хлеб жевали-жевали, а дохтор приезжай к ним – глота-ать!.. Избаловался ныне народ, вот что! С негой стали жить, с заботой, о боге не мыслят. Вон бобушки [Бобушками в Псковской губернии называют оспу] по деревням ходят, ребят клюют; сейчас приедет фершалиха, начнет ребят колоть; всех переколет, ни одного не оставит. Заболел кто, – сейчас к дохтору едет... Прежде не так было...

Лизар вздохнул.

– Прежде, барин мой жалобный, лучше было. Жили смирно, бога помнили, а господь-батюшка заботился о людях, назначал всему меру. Мера была, порядок! Война объявится, а либо голод, – и почистит народ, глядишь – жить слободнее стало; бобушки придут, – что народу поклюют! Знай, домовины готовь! Со-кращал господь человека, жалел народ. А та-перичка нету этого. Ни войны не слышать, везде тихо, фершалих наставили. Вот и тужит народ землю. Что сталось-то, и не гляди! Вы-едешь с сохой на нивку, а что арать, не зна-ешь. Сосед кричит: "Эй, дядя Лизар, мою по-лоску зацепил!" Повернулся – с другого боку: "Мою-то зачем трогаешь?!" Во-от какое стес-нение!.. Скажем, куму взять. – Лизар кивнул на хозяйку. – Пять сынов у них, видишь? Ребя-та всё малые, что паучки, а вырастут, – всех нужно произвести к делу... К делу нужно про-извести! А земли на одну душу. Вот и считай-тым разом, – много ли на каждого придется?

– Да так сказать, ничего и не придется, – поучающе сказала хозяйка.

Лизар развел руками.

– Ничего! На кой же они нужны! На сторо-

ну нам ходить некуда, заработки плохие!.. Ложись да помирай. По нашему делу, барин мой любимый, столько ребят не надобно. Если чей бог хороший, то прибирает к себе, – значит, сокращает семейство. Слышал, как говорится? Дай, господи, скотинку с приплодом, а деток с приморцем. Вот как говорится у нас!

Хозяйка сочувственно слушала Лизара и ласково гладила по волосам жавшихся к ней ребят.

– Губят нас, можно сказать, пустячные дела, – продолжал захмелевший Лизар. – Бесмертная сила народу набилась, а сунуться некуда, концов-выходов нету. А каждый на то не смотрит, старается со своей бабой... Э-эх! Не глядели бы мои глаза, что делается!.. Уж наказываешь сынам своим: будьте, ребяташки, помирнее, – сами видите, дело наше маленькое, пустячное. И понимают, а глядишь, – то одна сноха неладивши породит, то другая...

– И то сказать: не из соломы сплетены, – вздохнула хозяйка.

– Тяжкое дело, тяжкое дело! – в раздумье произнес Лизар. – А только я так домечаюсь, что бабам бы тут порадеть нужно, вот кому.

Сходи к дохтору, поклонись в ножки, – они учены, знают дело. Поклонишься – дадут тебе капель. Ведь за это не то что яичек – гуся не пожалеешь. Как скажешь, есть такие капли? – спросил Лизар, значительно и испытующе поглядев на меня.

Он говорил долго. А вдали звучали песни, и природа изнывала от избытка жизни. И казалось, – вот стоят два разлагающихся трупа и говорят холодные, дышащие могильной плесенью речи. Я встал.

– Пора ехать!

– И то пора!

Лизар суетливо поднялся и пошел к лошадям.

Заря совсем погасла, когда мы двинулись. Была белая ночь, облачная и тихая. У околицы еще шел хоровод, но он уж сильно поредел и с каждой минутой таял все больше. А в бледном полумраке – на гумнах, за плетнями, под ракетами – везде слышался мужской шепот, сдержанный девичий смех.

Из проулка навстречу нам вышла парочка. Молодцеватый парень с русой бородкой и девушка в красном платочке медленно переход-

дили дорогу, тесно прижавшись друг к другу. С широкого, милovidного лица девушки без испуга глянули на меня глаза из-под черных бровей. Кажется, это была Дунька.

За околицей нас снова охватил стоявший повсюду смутный, непрерывный шум весенней жизни. Была уж поздняя ночь, а все кругом жило, пело и любило. Пахло зацветающей рожью. В прозрачно-сумрачном воздухе, колыхаясь и обгоняя друг друга, неслись вдали белые пушинки ив и осин – неслись, неслись без конца, словно желая заполнить своими семенами весь мир.

Отдохнувшие лошади бойко бежали по дороге. Светло-желтый песок весело шуршал под колесами. Водка испарилась из головы Лизара, он снова примолк. Я со странным чувством, как на что-то чужое тут и непонятное, смотрел на него... Мы спустились в лощину.

– Тпру!.. Тпру!.. – вдруг испуганно произнес Лизар. Он остановил у мостика лошадей, соскочил и стал торопливо привязывать сорвавшуюся постромку. Шум тележки смолк.

Тогда меня еще сильнее охватила эта через край бившая кругом жизнь. Отовсюду плыла

такая масса звуков, что, казалось, им было тесно в воздухе. В лесу гулко, перебивая друг друга, заливались соловьи, вверху лощины задумчиво трещал коростель; кругом, во влажной осоке, обрывисто и загадочно стонали жабы, квакали лягушки, из-под земли бойко неслоь слабое и мелодическое "турrrrrrrrr"… Все жило вольно и без удержу, с непоколебимым сознанием законности и правоты своего существования. Хороша жизнь! Жить, жить, – жить широкой, полной жизнью, не бояться ее, не ломать и не отрицать себя, – в этом была та великая тайна, которую так радостно и властно раскрывала природа.

И среди этого таинства неудержимо рвущейся вширь жизни – он, сжавшийся в себя, с упорными думами о собственном сокращении!.. Царь жизни!